

МОДЕЛЬ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ: ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Н.И. Гацура

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

В статье рассматривается образ персонажа с точки зрения когнитивно-дискурсивного первоведения: модель образа в сознании автора текста и модель образа, воссозданную переводчиком в языке перевода. В процессе перевода происходит смысловая, языковая и социокультурная рекатегоризация, обусловленная когнитивным и языковым опытом переводчика, в аспекте оценки, дейксиса и причинно-следственных связей моделируемой ситуации.

Ключевые слова: модель, образ персонажа, дискурсивная деятельность переводчика, рекатегоризация.

Статья посвящена проблеме моделирования образа персонажа художественного произведения в переводе через призму когнитивно-дискурсивного подхода к деятельности переводчика. Цель статьи – выявить, как в переводе созданных автором оригинала образов (модель персонажа у автора) репрезентирована когнитивная деятельность переводчика. В статье использованы метод интроспекции, сопоставительный метод и метод когнитивного анализа.

Под моделью образа персонажа понимается когнитивное образование (авторские смыслы, связанные с характеристикой персонажа), преломленное в сознании переводчика как реципиента и репрезентированное в тексте перевода через призму когнитивных, языковых, социокультурных установок переводчика. Образ персонажа обычно моделируется через языковые средства. Исследованию языковых средств создания образа персонажа посвящены работы [2; 4; 6; 7; 11; 13].

Вслед за В.В. Амирханян и И.А. Кудряшовым под образом персонажа будем понимать конструктивный элемент художественного текста, текстовую категорию, являющуюся логическим результатом когнитивного моделирования в сознании автора как творческой языковой личности [1]. В таком случае при построении автором этого образа и создании переводческого образа персонажа мы будем иметь дело с моделями этого образа.

Задачей переводчика является построение модели персонажа, близкой к модели оригинала. С когнитивной точки зрения, переводчик выступает активным субъектом, который интерпретирует переводимое произведение и конструируемую в нем действительность (художественную модель мира в той форме, в которой ее мог и смог

интерпретировать переводчик) средствами языка перевода в контексте гипертекста своих знаний и опыта, своего образа мира. В модели образа персонажа в переводе представлены три измерения (когнитивное, социокультурное и семиотическое). Переводчики проявляют себя как субъекты эмоционально-оценочного восприятия в формах редетализации персонажа как объекта их наблюдения. К.И. Леонтьева предлагает субъект-ориентированную когнитивно-семиотическую модель литературно-художественного перевода: деятельность переводчика трактуется как дискурсивная деятельность, обусловленная когнитивными доминантами – динамичными структурами индивидуального, но социокультурно модулируемого знания, которые в процессе интерпретации определяют значимые в семиотическом и концептуальном отношениях структуры текста [8]. На базе концепции дискурс-анализа В.А. Миловидова [9], субъектном и доминантном принципах, лежащих в основе языковой когниции Н.Н. Болдырева [3] вводится понятие «перспектива переводчика» – когнитивный феномен, объединяющий в сознании переводчика биологическое, психическое, социокультурное и семиотическое измерения дискурса. Постулируется, что между когнитивными средами сознания автора и реципиента (переводчика) всегда имеется некоторый «зазор» [10: 11-12], что предопределяет неизбежность смысловой, лексической, грамматической рекатегоризации в переводе. Тексты перевода можно рассматривать как альтернативные и равно возможные модели репрезентированной в нем реальности, обусловленной фокусом внимания и перспективой конкретного переводчика. Когнитивная модель образа персонажа репрезентирована в дискурсе через конкретные языковые средства, и не только их содержание, но и вид связи между ними, а также принцип их организации (принцип построения модели) [12].

Таким образом, при анализе выполненного перевода целью становится реконструкция субъективно и социокультурно значимых для конкретного переводчика элементов модели интерпретации мира; их возможных трансформаций в дискурсе переводчика; необходимо в процессе анализа выявить «логику неизбежных смысловых модуляций» [9: 72]. В семиотическом пространстве текста переводчик как субъект эмпирического познания проявляется через форматы лексической и лексико-грамматической рекатегоризации, которые актуализируют формат перцепции, сдвиг фокуса внимания на характеристики событий, отличные от профилируемых в тексте (селективное восприятие, доминантный принцип). Переводчик вербально проявляет себя субъектом знания, мнения, оценки, эмоционального отношения, инферентных гипотез и выводов, а также субъектом восприятия – через различные формы дейксиса, систему ло-

гических и причинно-следственных связей, отношений противоположенности. Очевидно, что перевод – это процесс категоризации и рекатегоризации. Переводчик «активизирует код интерпретации», необходимый для адекватного понимания произведения реципиентом [9: 5]. Описание объекта будет зависеть от точки обзора (дейктический центр), близости рассмотрения объекта (масштаб и дистанция), от того, на что они предпочитают смотреть и каким элементам уделяют наибольшее внимание (фокус) [15: 55]. Дискурсивная деятельность переводчика регулируется системой когнитивных доминант, значимых для данного конкретного переводчика одновременно как социальной личности и творческой индивидуальности.

В рамках такого подхода обратимся к анализу перевода. Роман Роальда Даля «Матильда» повествует о девочке Матильде, о её взаимоотношениях с семьей, учителями, друзьями. В статье сравниваются два перевода, выполненных Алексеем Бирюковым (далее – Перевод 1) и Ириной Кастальской (Перевод 2).

Для анализа были выбраны фрагменты, позволяющие смоделировать образ персонажа в переводе с учетом субъектно-ориентированной деятельности переводчика.

Пример ниже демонстрирует разный фокус оригинального автора и переводчика-наблюдателя. Автор описывает отношение родителей, чьи умственные способности были весьма заурядны, а методы воспитания не отличались прогрессивностью, так: *but it becomes somehow a lot worse when the child in question is extraordinary, and by that I mean sensitive and brilliant*. В Перевод 1 в фокусе внимания – чувства ребенка, его ощущения. Более того, переводчик дополняет наличие ума оценочными определителями – блестящий: *но гораздо хуже приходится с такими родителями ребёнку необыкновенному, наделённому природой и блестящим умом, и чуткой душой*. А. Бирюков прибегает к синтаксической рекатегоризации через добавление *приходится ребёнку*. Перспектива (ракурс восприятия второго переводчика) носит объективный характер, чувствуется дистанция, взгляд со стороны: *но еще хуже, когда ребенок необыкновенный, то есть наделен и чувством, и умом*.

Лексической и синтаксической рекатегоризации подверглось следующее высказывание: *Mr and Mrs Wormwood... failed to notice anything unusual about their daughter*. В Перевод 1 ракурс восприятия статичен: *им просто не было дела до собственной дочери*, актуализируется смысл их безразличия. В Перевод 2 родителям отводится роль наблюдателей, не способных понять незаурядность своей дочери: *не замечали в дочери ничего необыкновенного*.

Социокультурной рекатегоризации подверглась характеристика маленьких детей (они должны быть послушными и спокойными) и то, что Вормвуды относились к дочери с раздражением. В оригинале

находим следующее: *called her a noisy chatterbox and told her sharply that small girls should be seen and not heard*. В Переводe 1: *называли её болтушкой, от которой слишком много шума, и всё время одёргивали её, чтобы она была тише воды, ниже травы*. Лексическая и синтаксическая рекатегоризация связаны с когнитивным и социальным аспектом перевода – использование идиомы, входящей в когнитивную базу переводчика. В Переводe 2 такого не наблюдается, переводчик следует оригиналу, его дискурсивная деятельность сведена к нулю: *называли её болтушкой и резко говорили ей, что маленькие девочки должны быть видимы, но не слышимы*.

Любые вопросы со стороны Матильды вызывают раздражение у отца, свое негодование он выражает так: *"Who the heck do you think you are," he shouted*. Дейктический элемент «ты» в Переводe 1 подчеркивает лично-ориентированное общение и власть отца над дочерью: *"The Archbishop of Canterbury or something, preaching to me about honesty? Кем ты, чёрт побери, себя возомнила, а? – заорал он. – Ты что, архиепископ Кентерберийский, чтобы читать мне проповедь о честности?* Смыслы пренебрежения и сарказма акцентуированы через смену дейктического элемента 2 лица единственного числа «ты» на 3 лицо единственного числа без указания местоимения: *За кого, черт возьми, ты себя принимаешь? – вскричал он. – За архиепископа Кентерберийского? О честности мне тут проповедует*. В переводах различный дейксис – во втором случае переход на третье лицо единственного числа демонстрирует отчуждение, дистанцирование, пренебрежительное отношение к критике со стороны своей дочери.

Несколько отличная оценочная рекатегоризация заметна в анализируемых переводах: *The books introduced her to amazing people who lived exciting lives*. Книги знакомили её с удивительными людьми, чья жизнь казалась совершенно необыкновенной. Степень увлекательности книг подчеркнута через лексему «совершенно», чего лишен Перевод 2: *Книги знакомили её с удивительными людьми, которые жили интересной жизнью*. Таким образом, роль книг для Матильды несколько нивелируется.

Оценочная рекатегоризация нейтрального суждения о Матильде: *brainpower* заметна в Переводe 1: *блестящие умственные способности* в отличие от Перевода 2 *умственное превосходство*; розыгрыш с попугаем *the parrot-in-the-chimney affair* в Переводe 1 имеет нейтральную оценку: *история с попугаем*, в Переводe 2 эксплицирован смысл проказливости Матильды: *проделка с попугаем*. Смыслы авторитарности, бесцеремонности, нетерпимости к возражению переданы в Переводe 1, в то время как в Переводe 2 актуализирован смысл нейтрального призыва к действию пояснить ситуацию, как попугай попал в камин: *"Don't give me that rubbish!" the father shouted*. *He нудру*

мне мозги! Рассказывай! – кричал отец. Смысл произошедшего (неприятного инцидента – волосы отца окрасились в пепельный цвет, что подстроила Матильда) в Переводе 1 репрезентирован как результат действия внешних сил: *"Oh dad what've you done to your hair?" the son shouted. Во, чума! Пап, правда, где это тебя так угораздило? – закричал Майкл.* В Переводe 2 через активный залог (близость к оригиналу) актуализирован смысл роли самого субъекта в произошедшем: *Папочка, что ты сделал со своими волосами? – громким голосом спросил сын.*

Мстительность директрисы Гранчбуль описана через метафору блендера, который перемелет детей, как овощи: *she can liquidise you like a carrot in a kitchen blender.* В Переводe 1 наблюдаем социально-культурную рекатегоризацию с опорой на метафоризацию в принимающей культуре, используется идиома *она сотрёт вас в порошок.* В Переводe 2 актуализирован смысл избавления от гнилых овощей – их выбрасывают за ненужностью: *избавится от вас, как от гнилой морковки,* что является необоснованной концептуальной/смысловой рекатегоризацией, так как сложно представить последствия таких действий (отчисление из школы или выдворение из класса).

Когнитивной и социально-культурной рекатегоризации в виде дополнения идиоматического «прищучить» подвергается оригинальное высказывание директрисы о неординарных девочках в школе: *a bad girl is a far more dangerous creature than a bad boy* в Переводe 1: *скверная девчонка гораздо хуже скверного мальчишки: её гораздо труднее прищучить.* Перевод 2 приближен к оригиналу, дискурсивной деятельности переводчика как активного участника интерпретации здесь не наблюдается: *скверная девчонка – гораздо более опасное существо, чем скверный мальчишка.* Гендерный аспект получает развитие в ответном высказывании мисс Хани: *"Oh, but you must have been a little girl once, Headmistress. Surely you were."* В Переводe 1 словосочетание *a little girl* подверглось лексической рекатегоризации, оно генерализировано; так доминантный смысл высказывания сводится к тому, что ребенку свойственны проказы: – *Неужели вы хотите сказать, что никогда не были ребёнком?* В Переводe 2, близком к оригиналу, с сохранением указания на гендер, тем не менее происходит размывание причинно-следственной связи о том, что девочки-школьницы более коварны и находчивы: – *Как же так? Неужели вы никогда не были девочкой?* Единственным методом воспитания директриса видит наказание, что в Переводe 1 выражается бессубъектно в первом высказывании из цепочки двух высказываний: *I wish to heavens I was still allowed to use the birch and belt as I did in the good old days! I'd have roasted Matilda's bottom for her so she couldn't sit down for a month! Было бы очень кстати, если бы снова разрешили использовать розги и ремень, как в старые, добрые времена! Я бы так отхлестала Матильду,*

что она бы целый месяц сесть не могла! Смысл активного субъекта, именно действий самой директрисы, которая высекла бы непослушную школьницу, актуализирован через апелляцию к личным местоимениям, которые повторяются в Переводe 2. Так происходит сдвиг в дейксисе: *Как бы мне хотелось, чтобы мне снова разрешили взять в руки розги, как в старые добрые времена! Я бы так отстегала Матильду, что она бы у меня месяц не могла сидеть!*

Разной оценочной рекатегоризации подвержены действия Матильды, которая подложила что-то дурнопахнущее директрисе в стол, в двух переводах: *This little brute Matilda or whatever her name is has stink-bombed my study! Эта маленькая скотина Матильда – или как там её – подложила мне под стол какую-то дрянь!* В Переводe 1 заметна лексическая и грамматическая рекатегоризация лексем и словосочетаний *little brute, stink-bombed*. Нейтрализацией оценки действий Матильды и негодования директрисы отмечен Перевод 2: «*эта самая Матильда, или как там ее, подложила мне что-то под стол!*». Попытка учесть гендерный аспект через форму существительного в русском языке приводит к использованию окказионализма «гигантша», создавая аллитерацию «гигантша, шея» и комический эффект (нелепый вид разъяренной директрисы): *Miss Honey stood there helpless before this great red-necked giant. Мисс Хани беспомощно стояла перед этой гигантшей с красной шеей.* В Переводe 2 гендерная (грамматическая) рекатегоризация отсутствует, креативная деятельность переводчика не очевидна: *Мисс Хани стояла перед этим гигантом с красной шеей, ощущая свое бессилие.*

Синтаксическую рекатегоризацию и смену дейктических элементов можно наблюдать в переводах описания отношения Транчбуль к маленьким детям: *They are the bane of my life. They are like insects. Они – проклятье всей моей жизни. Словно надоедливые мухи.* В фокусе нарратора и интерпретатора в Переводe 1 – дети. В фокусе переводчика 2 – воспринимающая личность, акцент интерпретируемого сделан на отношении директрисы к детям – она выступает субъектом чувственного и ментального восприятия. Перевод демонстрирует позицию переводчика-инсайдера, эксплицирующего чувства директрисы: «*Ненавижу. Хуже насекомых. От них нужно вовремя избавляться*».

Проанализировав текстовые извлечения, описывающие персонажей романа и их действия, мы можем констатировать, что в смысловом/когнитивном аспекте переводчики, в соответствии с актуальными для них когнитивными доминантами, подвергают рекатегоризации и, соответственно, реперспективизации различные стороны образа персонажа, по-разному моделируя этот образ. При этом предложенный механизм анализа позволяет рационально объяснить различия в переводе и, соответственно, объяснить причины его вариативности.

Список литературы

1. Амирханян В.В., Кудряшов И.А. Образ персонажа в аспекте семантической структуры целостного художественного текста. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/kudryashov-amirhanyan.html> (дата обращения 07.04.2024).
2. Батаева Е. Языковые средства экспликации системы ценностей главного героя повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 23–27.
3. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 118–122.
4. Глухих А.Н. Языковые средства создания образов исторических личностей в романах Р.М. Зотова и Б. Акунина: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2017. 208 с.
5. Дрозд Евгений Ануфриевич. URL: <https://litvek.com/avtor/52602-avtor-evgeniy-anufrievich-drozd> (дата обращения: 06.04.2024).
6. Жданович М.А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном диалоге: на материале современной англоязычной прозы и драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 195 с.
7. Закирова О.В. Литературный персонаж: языковой аспект характеристики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск № 39. Том 15. СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007а. С. 102–105.
8. Леонтьева К. И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков) дис. ... д-ра. филол. наук.- Тверь, 2023. Режим доступа: <https://dissertations.tversu.ru/councils/3/dissertations/309> (дата обращения 07.09.2024).
9. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. Тверь: ТвГУ, 2000. 94 с.
10. Миловидов В.А. Назад в будущее: Ч.С. Пирс и семиотические основания теории литературно-художественного дискурса // Знак и символ. Lodz – Тверь: Universitet Lodzki; ТвГУ, 2010. С. 6–16.
11. Палойко Л.В. Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англоязычного романа как объект филологического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 216 с.
12. Романова Т.В. Моделирование как метод верификации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. № 16. 2014. С. 322–327.
13. Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 191 с.
14. Татарова А.В. Языковые средства создания образа персонажа в неоготической литературе // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сборник статей по материалам XXX международной студенческой научно-практической конференции. № 3 (30). Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2015. С. 87–96.

15. Langacker R. Cognitive Grammar: A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

Об авторе:

ГАЦУРА Наталья Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (644077, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А), e-mail: nagatsura@mail.ru

CHARACTER IMAGE MODEL IN THE ORIGINAL AND TRANSLATION: COGNITIVE APPROACH

N.I. Gatsura

Dostoevsky Omsk State University, Omsk

The paper deals with the character image from the point of view of cognitive science: the model of the image in the mind of the author and the model of the image recreated by the translator in the target language. When the images of characters are modeled through the discursive activity of the translator, the cognitive and linguistic experience of the translator makes semantic, linguistic and socio-cultural recategorization possible.

Keywords: *model, character image, discursive activity of the translator, recategorization*

About the author:

GATSURA Natalia Igorevna – PhD in Philology, Associate Professor, Head of Linguistics and Translation Department, Dostoevsky Omsk State University (Prospect Mira, 55-A, Omsk, Russian Federation, 644077, e-mail: nagatsura@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.24
Подписана в печать 13.10.24

© Гацурa Н.И., 2024